

ЧЕЧЕНСКИЙ КРИЗИС И ДИАЛЕКТИКА РОССИЙСКОГО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Очевидный, хотя и почти не обсуждаемый публично, раскол некогда единой право-левой российской оппозиции, наиболее ярким индикатором (но отнюдь не причиной!) которого стали военные действия на территории Чеченской Республики, породил, в качестве первого результата, резко антикоммунистическую направленность национально-патриотической прессы последних месяцев. Коммунисты до настоящего момента старались воздерживаться от серьезной публичной полемики со своими недавними союзниками, в чем, несомненно, сказалась мудрая сдержанность более сильного партнера по бывшей коалиции. Однако, развитие политических событий в России на данном этапе с логической и диалектической необходимостью вынуждает коммунистов вступить в жесткую и честную дискуссию с правыми. И дело вовсе не в том, чтобы «опровергнуть» национал-патриотов. Их и так на каждом шагу опровергает сама действительность. Задача заключается в том, чтобы правильно расставить акценты при выборе стратегии и тактики последующей политической борьбы, а также помочь разобраться в ситуации тем коммунистам, которые все еще питают определенные иллюзии в отношении «союза красных с белыми».

Поскольку, как указывалось выше, резкие разногласия между двумя крыльями российской политической оппозиции проявились именно в ходе чеченского конфликта, представляется логичным рассмотреть сущность этих разногласий сквозь призму и на примере различных подходов к этому конфликту. Не касаясь подлинных причин войны, а также целей воюющих сторон, сконцентрируем внимание прежде всего на обоснованиях своих действий в Чечне федеральными властями и обоснованиях своей поддержки этих действий представителями правой оппозиции.

Можно выделить, пожалуй, четыре главных обоснования: «восстановление конституционного порядка на территории субъекта Федерации»; «ликвидация криминального очага на территории страны»; «защита этнических русских на территории Чечни»; наконец, «сохранение территориальной целостности России». В той или иной мере все четыре основания выдвигались как представителями властей, так и национал-патриотами.

Первый из этих четырех аргументов используется по преимуществу властями и, как легко видеть, имеет чисто демагогический характер. Действительно, призывы к защите конституционного строя, исходящие из уст личностей, растоптавших Конституцию и расстрелявших парламент собственной страны, вряд ли можно воспринимать всерьез. Но дело не только в этом. В конце концов, тотальное попрание права отечественными реформаторами началось несколько лет назад. Можно спорить о том, какой именно акт явился отправной точкой этого процесса, но несомненно, что по крайней мере с момента наступления последствий беловежских соглашений говорить о какой бы то ни было правопреемственности российских режимов стало совершенно бессмысленно. Сейчас речь идет совсем о

другом, а именно о том, что, даже оставаясь в поле Конституции России от декабря 1993 года, невозможно оправдать вторжение российских войск в Чечню конституционными аргументами.

Прежде всего, зададимся вопросом: можно ли считать Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации? Конечно, в силу высказанных выше соображений, понятие субъекта Российской Федерации, как, по-видимому, и понятие самой Российской Федерации, трудно признать в достаточной мере юридически определенным. Однако, представляется бесспорным, что для признания той или иной административной или национальной территории субъектом Федерации необходимо по крайней мере два условия: во-первых, факт вхождения этой территории в состав Федерации, и во-вторых, факт подписания полномочными властями этой территории Федеративного договора. Как известно, Чеченская Республика не подписывала Федеративный договор. Кроме того, юридически Чеченская Республика не входит и никогда не входила в состав Российской Федерации.

Последнее утверждение может показаться весьма странным, тем более, что оно прямо противоречит статье 65-1 Конституции России. Однако, давайте вспомним недавнюю историю. До августовских событий 1991 года существовала Чечено-Ингушская АССР, входившая в состав РСФСР. Осенью того же года в результате дудаевского переворота ЧИАССР прекратила свое существование, а на ее месте возникли Ингушская Республика и Чеченская Республика (Ичкерия). Примерно в то же время был разрушен Советский Союз, а РСФСР «превратилась» в РФ. Ингушетия вошла в Российскую Федерацию, а Чечня предпочла путь независимого развития. Ссылки на нелегитимность дудаевского переворота не меняют дела, ибо заставляют по крайней мере усомниться в легитимности существования Ингушской Республики, не говоря уж, опять-таки, о легитимности послеавгустовской карты всей территории бывшего СССР. Таким образом, РФ и ЧР с самого начала существования обеих не имели и не имеют между собой ничего общего, а упомянутая статья 65-1 в части, относящейся к Чеченской Республике, представляет собой не что иное, как узурпацию Российской Федерацией суверенитета над Чеченской Республикой.

Но раз уж мы договорились оставаться в поле ныне действующей Конституции, придется, до конца соблюдая «правила игры», все-таки признать Чечню субъектом Федерации. Однако, и в этом случае «конституционная» аргументация властей не выдерживает никакой критики, хотя бы потому, что нельзя «восстанавливать конституционный порядок» где бы то ни было неконституционным способом. Антиконтитуционность инициировавших войну нормативных актов президента и правительства убедительно доказана «антиправительственной» стороной в недавнем рассмотрении этого вопроса в Конституционном суде, а тот факт, что суд все же вынес решение в пользу власти, свидетельствует об отсутствии у судей профессио-

нальной честности и гражданского мужества, а, быть может, и об их политической ангажированности. Анализировать подробно аргументацию сторон в упомянутом процессе здесь нет места, да и нет смысла, поскольку десятки статей на эту тему опубликованы в общедоступной прессе. Поведение же суда несколько не удивляет, если вспомнить, что три года назад тот же самый суд почти в том же составе умудрился всерьез рассматривать совершенно идиотский вопрос о конституционности политической партии (с таким же успехом можно рассматривать вопрос о соответствии футбольной команды правилам игры в футбол, утвержденным ФИФА). В результате мы имеем возможность лишний раз убедиться в несостоятельности буржуазно-демократического тезиса о «верховенстве закона», и в правоте Маркса, утверждавшего, что «право есть возведенная в закон воля господствующего класса».

С вопросом о «восстановлении законности» в Чечне тесно связана проблема ликвидации «криминального режима». Этот аргумент в пользу войны имеет, по крайней мере, три взаимосвязанных аспекта: необходимость ликвидации «незаконных вооруженных формирований», недопустимость открытого разгула уголовщины на территории республики и, наконец, проблему устранения криминогенного центра, питающего «чеченскую мафию» по всей России и организирующего махинации, которые наносят серьезный ущерб российским финансам.

Опираясь на сказанное выше, нетрудно убедиться в сплошной демагогичности рассуждений властей о «незаконных вооруженных формированиях» («НВФ»); действительно, в силу нелегитимности нынешнего режима все без исключения официальные силовые структуры в России являются незаконными. Поэтому, если бы действительно ставилась цель ликвидировать «НВФ», то следовало бы начать с роспуска российской армии, милиции, структур разведки и контрразведки, чего ожидать от наших властей пренебрегать просто нелепо. Но раз уж мы живем при этом режиме, опирающемся на данные силовые структуры, то, в соответствии с «правилами игры», мы должны признать законными и сам режим, и его структуры. Однако, если мы хоть на минуту поставим себя на место Дудаева и его приближенных, то нам станет совершенно непонятным, чем же, собственно, грозненский режим незаконнее московского. Дудаев, точно так же, как и Ельцин, утвердил свою власть на «штыках», и теперь считает эти «штыки» законными силовыми органами Чеченской Республики. Говорят, что когда Ерин объявил на Дудаева всероссийский розыск, тот, в свою очередь, объявил на российского министра (теперь уже бывшего) «всечеченский розыск». Конечно, это всего лишь анекдот, но во всяком анекдоте, как и вообще во всякой шутке, есть доля правды. Этот анекдот замечателен тем, что великолепно отражает дудаевскую ментальность. Мы, вероятно, не сильно ошибемся, предположив, что «законническая» аргументация в пользу попытки российской армии ликвидировать чеченскую армию вызывает искреннее недоумение в стане Дудаева. Поэтому неудивительно, что с таким трудом достигнутое российско-чеченское соглашение по блоку военных вопросов в конце концов оказалось невыполнимым: ведь оно предполагает полное разоружение и расформирование всех «НВФ», причем российская сторона относит к последним все без исключения силовые формирования на территории Чечни, не осященные санкцией федеральной власти, тогда как чеченская сторона большую часть таких формирований не признает незаконными, а считает «регулярной армией Республики Ичкерия».

Но допустим, что все это не так, что Дудаев отнюдь не считает себя политическим и государственным лидером, и тем более не является таковым, а представляет собой обыкновенного уголовного главаря, лишь прикрывающего деятельность своих бандитов патристической фразой. В этом случае логично предположить, что российское руководство поставило перед собой разумную и благородную цель ликвидировать преступные формирования и покончить с откровенной уголовщиной в Чечне. Если это так, то надо признать, что вооруженное вторжение на территорию Чеченской Республики, выбранное в качестве способа решения этой задачи, не только не

достигает желаемого результата, но приводит как раз к обратному эффекту. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, что с началом российской агрессии количество «НВФ» в Чечне, а также численность людей, вставших «под ружье» в составе этих формирований, резко возросли. Из некоторых чеченских источников известно, что до ввода федеральных войск в Чечню Дудаева поддерживали лишь 3% населения республики. Даже если предположить, что эти данные занижены в несколько раз, и то нельзя получить картину всеобщей поддержки Дудаева. В то же время ни для кого не секрет, что с началом войны большинство населения Чеченской Республики, если и не поддержало Дудаева, то, во всяком случае, стало оказывать жесткое сопротивление российским войскам. Более того, против федеральных сил с оружием в руках выступили не только недавние мирные жители, но и многие из бывших оппозиционеров дудаевскому режиму. Понять причины подобной метаморфозы не составляет труда. Когда на голову падают бомбы, инстинкт самосохранения заставляет искать способы защиты и противодействия. Если же учесть, что бомбы не разбирают, где «боевик», где «оппозиционер», а где «мирный житель», где мужчина, а где женщина, где взрослый, а где младенец, и даже где чеченец, а где русский, то ясно, что в сложившейся ситуации берут в руки оружие и выступают в вооруженную борьбу с российскими войсками даже люди, отнюдь не пылающие любовью к Дудаеву. Кроме понятного стремления защитить себя и своих близких и сильного эмоционального желания отомстить за погибших друзей и родных, значительную роль начинают играть разогретое до очень высокого градуса чувство патриотизма. Ведь одно дело - внутречеченские «разборки» (межтейповые и др.) и совсем иное - вооруженное вмешательство «большого брата», чреватое всевозможными неожиданностями. Немудрено, что в этих условиях такие личности, как Джохар Дудаев или Шамиль Басаев приобретают в глазах многих чеченцев ореол национальных героев и борцов за свободу своего народа.

Все сказанное в полной мере можно отнести и к проблеме устранения уголовщины в Чечне. Надо сказать, что когда кто-нибудь из высокопоставленных российских чиновников начинает разглагольствовать о «криминальном режиме в Чечне», то сразу вспоминается бессмертная реплика из крыловской басни «Мартышка и медведь»: «Чем кумушек считать-трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?». Вероятно, пришлось бы немало потрудиться, чтобы на всем земном шаре отыскать человека, для которого было бы новостью известие об особой криминальности нынешней российской власти. Не подлежит сомнению, что чеченский криминальный режим представляет собой закономерную и естественную часть, более того, является креатурой российского криминального режима. Конечно, нельзя отрицать, что масштабы разгула преступности в Чеченской Республике значительно превысили среднероссийский уровень. Более того, если в Москве и в других регионах РФ бандиты, в общем и в целом, действуют или, по крайней мере, стараются действовать «по понятиям», то на территории Чечни правит бал откровенный «беспредел». Разумеется, такое положение дел не может считаться желательным ни для какой мафии, поэтому вполне понятным явилось бы стремление мафиозного центра навести порядок в распоясавшейся дочерней региональной структуре. Однако, необходимость решения подобной задачи не может служить достаточной причиной для начала крупномасштабных военных действий, требующих многотысячных человеческих жертв и многотриллионных финансовых затрат, а также чреватых потерей политического авторитета как в стране, так и за ее пределами.

На самом же деле в условиях полной неразберихи, неизбежно сопутствующей всем войнам «афганского» типа (а именно такой характер, несомненно, приобрел чеченский конфликт), ликвидировать преступный беспредел вряд ли вообще возможно. Конечно, в населенных пунктах, твердо контролируемых федеральными войсками, уровень криминальности несколько снижается. Но взамен мы получаем рост числа актов насилия и мародерства в недоступных контролю горных сельских районах, многочисленные диверсионно-

террористические акты против российских военнослужащих, и наконец, что очень важно, террор переносится уже на территорию других регионов России. События в Буденновске, бой в Хасавюртовском районе Дагестана, не говоря уж о более мелких вылазках - яркое тому подтверждение.

Нечего и говорить, что устранить организованную чеченскую преступность подобным способом и вовсе невозможно. Во-первых, все «авторитеты» грозненской группировки находятся, естественно, вне досягаемости российских войск (но зато хорошо доступны журналистам). Более того, надо полагать, что большая их часть вообще покинула пределы Чечни. Во-вторых, неверно думать, что ликвидировать криминальное гнездо в Грозном значило бы обезглавить «чеченскую мафию» по всей России. Конечно, события в Чечне доставляют известные неудобства для криминальных кругов чеченской диаспоры. Режим Дудаева был важен для них как национальное государство с режимом наибольшего благоприятствования и, следовательно, как важнейшая база, перевалочный пункт, «черная дыра» для награбленных ценностей. Но ведь на худой конец можно обойтись и без всего этого. Недавно лидеры чеченской преступной группировки в Москве почти публично отмежевались от грозненского режима и преспокойно продолжают свою обычную деятельность практически без всякого ущерба. Некоторое мизерное неудобство для них проявляется лишь в несколько усилившемся внимании со стороны органов милиции. Однако, милицейскому «шмону» подвергаются в лучшем случае «мелкие сошки», а в массе своей вообще ни в чем не повинные граждане, главари же всегда остаются неприступными.

Но если для целей «победы над преступностью» эта война бесполезна вообще, то уж тем более нелепо обосновывать ее ссылками на пресловутые фальшивые авизо. Интересно, что этот аргумент с готовностью используется не только федеральными властями, но и многими национал-патриотами. В качестве примера можно привести статьи И. Артемова «Русский ответ на вызов истории» («Наш современник», N3), А.Казинцева «Чечня» («Наш современник», NN 4, 5) и др. По этому поводу остается лишь вспомнить известную русскую поговорку: «Не клади плохо, не вводи вора в грех». Действительно, при том состоянии отечественной банковской системы, до которого довели ее разнообразными «реформаторы», только очень ленивый человек в этой системе мог чего-нибудь не украсть. Можно не сомневаться, что, не будь чеченцев, почти «монополизировавших» эту сферу деятельности по разворовыванию общенародного достояния, нашлись бы другие «умельцы». В конце концов для этого вовсе не нужен Грозный, когда налицо имеются такие великолепные «черные дыры», как, например, Цюрих, Монако или Нассау, а за соответствующую мзду «таможня дает добро» на вывоз чего угодно и куда угодно. Но основная комичность ситуации заключается в том, что кражи крупных сумм наличности из российских банков при помощи фальшивых авизо прекратились по меньшей мере два года назад. Видимо, банки все же взяли за ум и усовершенствовали систему контроля. Нужно было бы иметь поистине виртуозную логику, чтобы в 1995 году вести войну из-за денег, украденных в 1992, тем более, что теперь-то эти деньги уже никак не могут быть возвращены.

Но кто же становился основной жертвой криминального беспредела в Чечне в течение последних лет? Знакомство с фактическим материалом по этой теме приводит к выводу, что в подавляющем большинстве случаев страдало «русскоязычное» население (см., например, упомянутые публикации в «Нашем современном»). Именно этот факт послужил одним из наиболее сильных оправданий войны для большинства известных деятелей национально-патриотических движений. Было бы преувеличением говорить об этнических чистках в Чечне. Пример настоящей этнической чистки, проведенной недавно хорватскими войсками в Сербской Краине, конечно, несопоставим по темпам и масштабам с ситуацией в ЧР. Однако, налицо имеются тысячи убитых, десятки тысяч ограбленных, сотни тысяч вынужденных покинуть республику русских и представителей других национальностей.

Столь масштабный факт требует, конечно, соответствующих объяснений и соответствующей реакции. Представители властных структур не стали утруждать себя открытым анализом межнациональных отношений в Чечне, но лозунг «защиты русскоязычного населения» выдвинуть не замедлили. Разумеется, в их устах этот лозунг всерьез не может быть воспринят. Людей, которые на протяжении нескольких лет проводят политику, наносящую неисчислимый ущерб народам России, в том числе и в первую очередь русскому народу; которые в одночасье сделали 25 миллионов русских «иностранцами» на собственной Родине и совершенно не заботятся об их положении в новых «независимых государствах»; которые готовы, кажется, превратить весь русский народ и все народы России в дешевую рабочую силу для западных монополий, а то и в рабов для иностранных рабовладельцев - трудно заподозрить в желании «защитить русских». Разумеется, прямым и открытым геноцидом своего народа правящий режим себя не запятнал. Так может быть именно с целью недопущения такого геноцида и была развязана война в Чечне?

Излишне говорить, что наиболее бурная и болезненная реакция на положение русских в ЧР последовала со стороны национал-патриотов. В качестве наиболее типичных объяснений фигурировали, естественно, русофобия чеченского режима, атака Ислама на Православие, и даже принципиальная «несовместимость» русской и чеченской наций. Последний тезис выдвигался И. Артемовым в статье «Русский ответ на вызов истории» («Наш современник», N3). При этом лидер Русского общенационального союза - одной из наиболее радикальных националистических организаций - опирается на гумилевскую «теорию этногенеза». Абсурдность этого тезиса очевидна, тем более что серьезными историками давно доказана антинаучность «концепций» Л. Н. Гумилева. Было бы неправильным отрицать наличие русофобских настроений среди чеченских руководителей. Русофобия, как и вообще ксенофобия, в той или иной мере присуща любому авторитарному национальному режиму. Нельзя сбрасывать со счетов и «исламский фактор». И все же главная причина преимущественно антирусской направленности действий криминальных групп в Чечне, конечно, в другом. Например, сицилианская мафия или неаполитанская «каморра» отнюдь не выбирают свои жертвы по национальному признаку, поэтому, естественно, страдает в этом случае в основном итальянское «национальное большинство». Но ведь в Италии нет той особой культуры родоплеменных объединений, свойственной восточным народам, что в чеченском случае выражается в типовой структуре общества. В тейпе каждый чеченец имеет свое положение и свою защиту. Для вайнаха грабить и насиловать своих соплеменников крайне небезопасно - это может привести к межклановой войне. Естественно, что жертвами преступности в такой ситуации в основном становятся незащищенные русские. Но если бы на их месте оказались эстонцы или китайцы, в отношении этих народов творилось бы то же самое. Если же Чечня была бы мононациональным государством, то уголовный террор обрушился бы на чеченцев из наименее сильных и авторитетных тейпов.

Неверное понимание главной причины преимущественно антирусской направленности деятельности чеченского криминалитета заставляет многих национал-патриотов ратовать за неправильные методы выхода из этой ситуации. Если, как это видится национал-патриотам, чеченцы являются принципиальными врагами русского народа, то русским действительно следует вести войну с чеченцами до победного конца. Если же, как это имеет место на самом деле, чеченские бандиты терроризируют как правило русское население по той простой причине, что русские являются самым крупным незащищенным меньшинством в республике, то решение проблемы следует искать уже в совершенно другой плоскости. Необходимо устранить прежде всего социальные корни феномена «криминальной республики», а это вряд ли возможно сделать вне контекста всего постсоветского пространства в целом.

Но самое главное заключается в том, что вооруженная агрессия отнюдь не способна достичь даже временного, паллиативного ре-

зультата в деле защиты русских в Чечне. Мы уже упоминали о бомбах, которые не разбирают национальностей. Если же учесть тот факт, что большая часть чеченцев с началом войны выехала к родственникам в сельские районы республики, то нетрудно догадаться, что во время бомбардировок Грозного, Аргуна, Шали и Гудермеса пострадали в основном русские жители этих городов, которым выезжать было просто некуда. И. Артемов в упоминавшейся статье приводит данные о 10 тысячах русских, убитых чеченскими уголовниками в течение 1991-1994 гг. Так вот, число русских мирных жителей, уничтоженных российскими войсками за полгода войны, по порядку величины вполне сравнимо с этой цифрой. Член российской делегации на переговорах в Моздоке А. Вольский называет цифры: 20 тысяч убитых мирных жителей, в том числе 5 тысяч русских («Правда», 5 августа). Сюда можно добавить не менее двух тысяч русских солдат и офицеров федеральных войск, погибших в Чечне за период войны. Итак, война, призванная, по словам ее организаторов и апологетов, защитить русскоязычное население, приводит на деле к массовому уничтожению русскоязычного населения. В отношении организаторов войны - высших российских должностных лиц - такое противоречие не должно казаться странным, ибо они, как говорилось выше, меньше всего озабочены судьбой русского народа, а тема защиты русских для них всего лишь средство популярной демагогии. Гораздо любопытнее наблюдать яростную поддержку войны со стороны людей, сделавших русский патриотизм своей «профессией», причем порой ситуация доходит до абсурда. В тот момент, когда В. Черномырдин вел напряженнейшие переговоры с Ш. Басаевым об освобождении заложников, лидер Союза христианского возрождения В. Осипов на митинге в Москве призвал громить чеченских бандитов «огнем и мечом». Ему как-то не пришло в голову, что если бы штурм больницы в Буденновске был бы «успешно завершен», более ста русских заложников пополнили бы число жертв этой войны. Это очевидно, если учесть, что несколько заложников все-таки погибли при начале штурма, причем большая их часть полегла от пуль российских военнослужащих. Не случайно, что заложники все в один голос протестовали против штурма, и причиной этому отнюдь не только пресловутый «стокгольмский синдром». Просто они понимали, что в этой ситуации федеральные войска представляют для них гораздо большую опасность, чем басаевские боевики.

Вообще, если бы национал-патриоты на самом деле хотели решить проблему тяжелого положения русских в Чеченской Республике, они могли хотя бы потребовать от властей вывезти всех русских из Чечни и расселить по российским регионам, вернуть в состав Ставропольского края Наурский и Шелковский районы, «подаренные» Чечено-Ингушской АССР Никитой Хрущевым, а затем установить жесткую блокаду российско-чеченской границы, как это предложил, например, Александр Солженицын. Тех многих триллионов рублей, которые потрачены на войну и будут еще потрачены на последующее восстановление, хватило бы на первичное обустройство в России 200 тысяч русских, которые оставались в ЧР к началу военных действий. Однако, ничего похожего на подобные требования русские националисты не выдвинули.

Возникает закономерный вопрос: действительно ли руководители национально-патриотических движений озабочены судьбой русских людей в Чечне или же их лозунги суть лишь демагогическое прикрытие для каких-то иных целей? Признание первой альтернативы неизбежно заставило бы сделать заключение об интеллектуальной несостоятельности националистических лидеров. Поскольку на практике при наличии нескольких вариантов как правило ни один из них не доминирует в чистом виде, надо думать, что и в этом случае действуют обе альтернативы, причем нередко в одном и том же лице. Другими словами, довольно типичен политик правого крыла, с одной стороны искренне озабоченный проблемами русского народа, но по недомыслию предлагающий неверные способы их решения, а с другой - отчетливо ставящий перед собой цели, весьма далекие от подлинных интересов русского народа. Яркий диалектический пример такового явил собой А. Казинцев, гневно обрушившийся на Сергея Ковалева за то,

что тот потребовал прекращения применения бомбардировочной авиации в Чечне. Казинцев мотивировал свой гнев тем, что дудаевская армия не имеет собственной авиации, следовательно использование авиации федеральными силами имеет высокую военную эффективность. При этом «защитник русского народа» почему-то забыл, что от бомбовых ударов по чеченским населенным пунктам гибло в значительной степени, если не в основном, русское население. Поэтому, объективно говоря, Ковалев явился в этой ситуации большим патриотом, чем Казинцев. Глупость в данном случае не могла бы послужить достаточным объяснением позиции последнего. На самом деле главная причина такого противоречия заключается в том, что для Казинцева и ему подобных «победа русского оружия» гораздо важнее, чем жизни конкретных русских людей. Для большинства национал-патриотических лидеров основными ценностями являются территориальная целостность России, крепость российского государства, мощь российской армии даже в тех случаях, когда эти факторы вступают в антагонизм с интересами русского народа и чаяниями русских людей.

Здесь мы вплотную подходим к четвертому, главному обоснованию войны. Защита территориальной целостности России - пожалуй, единственный хотя бы отчасти правдивый официальный аргумент в пользу военных действий на территории ЧР. Правители, по-видимому, действительно не заинтересованы в распаде Российской Федерации - если это случится, они просто-напросто потеряют власть. Поэтому они ни в коем случае не хотели бы позволить ни одному субъекту Федерации выйти из ее состава и создать тем самым весьма опасный прецедент. Но именно за этот аргумент сильнее всего ухватываются правые патриоты, поддерживая акцию властей. Здесь то и возникает у них существенное расхождение с левыми силами.

Тот факт, что главным пунктом несогласия левых и правых стало различное отношение к роли армии и государства в России и к проблеме ее территориальной целостности в нынешних конкретно-исторических условиях, хорошо подтверждается характером обвинений, выдвигаемых национал-патриотами против коммунистов. «Пораженческий синдром 1905-1914 годов, поразивший коммунистическую часть оппозиции», - так охарактеризовали ситуацию К. Мяло и Н. Нарочницкая в статье «Еще раз о «евразийском соблазне» («Наш Современник», N4). Вообще, аналогия антивоенной позиции нынешних коммунистов с пораженческим лозунгом большевиков начала века стала притчей во языцех у политиков и публицистов правопатриотического направления. При этом почти все они хором заговорили о том, что Ленин и большевики выступали за «поражение России». Эта мысль прозвучала не только в уже упоминавшихся публикациях «Нашего современника», но и на телевидении в устах ведущего передачи «Русский дом» А. Крутова и в одной из ежедневных пятиминутки бывшего демократа Д. Захарова «Река времени». При этом все они дружно проигнорировали тот хорошо известный факт, что Ленин никогда не высказывался за поражение России, но лишь за поражение царского правительства. Такое обращение с ленинскими словами есть не просто обычная передержка. Подлинный смысл этого искажения заключается в том, что правые патриоты не видят существенной разницы между Россией и правящим ею режимом. На самом деле хорошо известно, что царская бюрократия начала века находилась в полной зависимости от империалистических кругов Англии и Франции, в частности, от крупнейших масонских лож. «Союзники» Российской Империи проводили военную политику, направленную на гибель возможно большей массы русских солдат. Поэтому выход из первой мировой войны был, несомненно, в интересах русского народа. Пораженчество было использовано большевиками лишь как инструмент для ускорения революции, способствовавшей подлинному освобождению русского народа от эксплуатации, а России - от замаскированного ига иностранного капитала. Сразу после революции Ленин выдвинул лозунг защиты социалистического Отечества, так как, в отличие от правых патриотов, мыслил диалектически, то есть, в частности, конкретно-исторически. Последовавший затем Брестский мир, который для национал-патриотов также является одним из основных пунктов обвинений против Ленина, был невыгодной, но вынужденной мерой. Если бы он не

был заключен, то Петроград, а быть может, и Москва, оказались бы под салогом кайзеровской военщины. Поэтому обвинения в адрес Ленина в антипатриотизме на основании политики пораженчества и Брестского мира невозможно признать корректными.

Лидеры современного российского национал-патриотизма считают территориальную целостность России главной и абсолютной ценностью, не зависящей от конкретно-исторической обстановки. Эту мысль подчеркивали, в частности, В. Алкснис, М. Астафьев и Н. Павлов, выступая на «круглом столе» «Чеченский раскол» («Завтра», N8). Между тем, нетрудно смоделировать ситуацию, когда подлинный патриот не должен ратовать за сохранение территориальной целостности своей страны. Такая ситуация возникла бы, например, если бы Родина была полностью оккупирована иностранной державой и в стране был бы установлен коллаборационистский марионеточный режим. Если бы в этом случае возникла сильная национальная оппозиция, способная взять власть в одном из регионов страны и вести вооруженную борьбу против режима, то политика такой оппозиции в тот момент по необходимости была бы антигосударственной, а фактом ее деятельности была бы нарушена территориальная целостность Родины. Вспомним, например, что партизаны Сандинистского фронта национального освобождения на протяжении многих лет вели войну против сомосовского режима и при этом удерживали в своих руках значительные части территории Никарагуа, однако все прогрессивное человечество называло их патриотами, но никому не пришло в голову именовать патриотом Сомосу, боровшегося, в частности, за «укрепление армии и государства» и за «сохранение территориальной целостности страны». В качестве основания для дальнейших выводов уместно вспомнить, что нынешний российский режим является коллаборационистским и квазимарионеточным, а его политика по своим результатам мало отличается от политики, которую могло бы проводить откровенно марионеточное правительство. Разумеется, дудаевский режим ни с какой стороны не может претендовать на роль освободителя России. Но в принципе нет ничего невозможного в том, чтобы освобождение России началось с неповиновения одного из регионов центральных властям.

Было бы нелепостью утверждать, что коммунисты заинтересованы в распаде Российской Федерации. Никто не желает разрушения того, что он намерен наследовать. Однако, лозунг защиты территориальной целостности России, который в настоящий момент взят на вооружение самыми реакционными силами, не может сейчас выдвигаться коммунистами ни в качестве основного, ни в качестве сколько-нибудь значимого. Главная задача левых сил на сегодняшний день - отстранение буржуазно-компрадорского режима. А вот лидеры правых партий, поддержав военную акцию режима, фактически солидаризировались с находящейся у власти компрадорской буржуазией. Таким образом, их патриотизм приобрел особый диалектический характер некоего «компрадор-патриотизма». Излишне говорить, что этот своеобразный «антипатриотический патриотизм» оказывает неоценимую услугу режиму и уже всюду используется режимом в демагогических целях.

Было бы преувеличением сказать, что все национал-патриоты поддержали военную акцию в Чечне. В частности, А. Проханов, Э. Володин, А. Стерлигов выступили с осуждением войны. Более того, беседы с рядовыми, не пользующимися известностью национал-патриотами показывают, что они в большинстве своем не одобряют вооруженное вторжение в Чеченскую республику. Поэтому неизбежно падает популярность правых лидеров, а электорат левых сил, напротив, расширяется в значительной степени за счет тех, кто раньше симпатизировал националистам. Спад собственной популярности правопатриотических партий резко усугубился их разрывом с коммунистами. Сложилась ситуация, чреватая угрозой политической смерти российского национал-патриотизма. У националистов остался лишь один шанс - найти нового могущественного союзника. А найти такового они могли только в лице «партии власти», тем более, что последняя, также почувствовав, что теряет почву под ногами, начала искать спасение в национально-патриотической фразеологии. И если в феврале лидеры правых движений еще пытались

как-то отмежеваться от правящего режима (см. «Чеченский раскол», «Завтра», N8), то в последующие месяцы они начали все более и более открыто декларировать лояльность нынешним властям. Достаточно вспомнить дифирамбы авантюриста А. Веденкина в адрес министра обороны РФ П. Грачева. Еще дальше пошел лидер российских ультраправых А. Баркашов, в интервью «Коммерсант-daily» заявивший о том, что его вполне устраивают те медленные эволюционные изменения, которые происходят с нынешним режимом. Горячий патриот А. Невзоров в Госдуме проголосовал против недоверия правительству. Но наиболее любопытную идею выдвинул все тот же Казинцев. Он высказал недовольство тем, что Русская Православная Церковь не выразила открытой поддержки акции федеральных властей в Чечне. Такая поддержка, по мнению Казинцева, свидетельствовала бы о возрождении принципа «православной симфонии», на котором некогда зиждилась российская государственность. Если уж речь заходит о «симфонии» с ельцинским режимом, то всякие комментарии становятся излишними.

Поскольку патриотизм правых партий, как показано выше, по существу перешел в собственную противоположность, у правой оппозиции вполне можно было бы отбросить определение «патриотическая». Но дальнейший анализ заставляет усомниться и в самой ее оппозиционности. В самом деле, никакая оппозиция не может жаждать «симфонии» с властью. И вряд ли главным требованием оппозиции может быть «укрепление государства и армии». Разумеется, парламентская оппозиция в демократических государствах как правило не выступает за ослабление государственной власти или за развал силовых структур. Но ведь главная особенность российской патриотической оппозиции последних лет как раз в том и заключается, что это была радикальная, или, по общепринятой терминологии, непримиримая оппозиция, совсем не похожая на умеренную парламентскую оппозицию стран буржуазной демократии. Российские оппозиционеры на протяжении трех лет именовали нынешнюю власть не иначе, как «временным оккупационным режимом», и вот теперь вдруг требуют укрепления этого режима и его силовых органов. Но даже предположив, что противники режима решили «остепениться» и поиграть в парламентскую демократию, мы не избавимся от ощущения «странности» правой российской оппозиции. Пожалуй, даже уважаемые британские лейбористы вряд ли особенно озабочены тем, чтобы кабинет Мейджора хорошо собирал налоги. Однако, для российских правых «налоговая» тема становится одним из главных «хитов сезона». На уже упоминавшемся «круглом столе» «Чеченский раскол» в редакции газеты «Завтра» «крутые патриоты» В. Алкснис и Н. Павлов не сговариваясь потребовали, чтобы налоги в России платились правильно, хорошо и полностью. Между тем, ни для кого не секрет, что при полном несовершенстве существующего налогового законодательства, непродуманности системы бухгалтерского учета и отчетности и абсолютной нереальности налоговых ставок в современной России от налогов укрываются буквально все хозяйствующие субъекты, заботясь лишь о том, чтобы суммы, уплачиваемые в бюджет, были не ниже некоторого минимума, за которым уже начинается пристальный интерес со стороны органов государственной налоговой инспекции. Поэтому в нынешних условиях требование, чтобы все полностью платили налоги, становится вообще бессмысленным. Но для радикального оппозиционера такое требование является просто невозможным.

Можно сделать вывод: поддержав нынешний режим со всеми вытекающими отсюда следствиями, национал-патриотическая оппозиция перестала быть патриотической и перестала быть оппозицией. Поэтому мы не особенно погрешим против истины, если скажем, что правой патриотической оппозиции в России на сегодняшний день не существует. В свете этого вывода проясняется одно интересное обстоятельство. На протяжении последних месяцев лидер КПРФ Г. Зюганов, отвечая на многочисленные вопросы журналистов о возможных союзниках коммунистов на предстоящих выборах, неизменно говорил о необходимости создания блока «государственно-патриотических сил», а когда его просили конкретизировать, перечислял: профсоюзы, товаропроизводители, молодежные, женские организа-

ции и т. д. На первый взгляд, такая трактовка понятия «государственно-патриотических сил» выглядела обескураживающей. На российском политическом жаргоне последних трех лет это понятие означало союз правых и левых патриотов, поэтому журналисты были вправе ожидать, что в состав этих «сил» войдут партии коммунистов и различные движения национал-патриотов, т. е. будет создано нечто вроде Фронта национального спасения в новой редакции. Очевидно, профсоюзы и другие перечисленные т. Зюгановым организации никак не могут претендовать на роль национал-патриотических, и в то же время в той или иной степени должны быть причислены к спектру левых сил. Однако, если мы проанализируем высказывание председателя ЦК КПРФ в аспекте наших последних выводов, все сразу становится на свои места. Под словами Зюганова скрывается молчаливое признание того никем не обсуждаемого вслух факта, что в нынешней России нет правых патриотов, следовательно блок патриотических сил может состоять только из партий и движений левой ориентации. Вот в чем подлинный смысл «странных» высказываний лидера КПРФ, хотя большинство потребителей политической информации в России и за рубежом понимают их поверхностно.

Можно повторить еще раз тезис, высказанный в начале статьи: чеченский кризис явился индикатором, но далеко не причиной раскола право-левой оппозиции. Ясно, что причины столь серьезного процесса гораздо глубже. Надо трезво отдавать себе отчет в главном: «красно-белая» (или «красно-коричневая») оппозиция изначально была внутренне противоречива и не могла быть долговечной. Марксистский анализ заставляет утверждать, что главным источником противоречий и, следовательно, главной причиной раскола в российском оппозиционном движении 1991-1993 годов явилась различная классовая ориентация составляющих ее частей. Однако, ограничиться простой констатацией различной классовой природы сил, входивших в состав оппозиции, в данном случае значило бы не сказать почти ничего. Классовая природа политических движений инвариантна относительно политической ситуации. Нас же сейчас интересуют те параметры политических сил, которые могут меняться в зависимости от ситуации, вызывая соответствующие изменения состава и характера политических союзов.

Одним из таких важнейших параметров, ставшим «линией разлома» для бывшего право-левого блока, явилось, как уже говорилось выше, различное отношение к государству и его институтам в нынешних исторических условиях. Поскольку национал-патриоты абсолютизируют государство вообще, государство как таковое, для них в принципе свойственны охранительные тенденции по отношению к государству и его структурам. Эти тенденции наблюдались в конце 80-х - начале 90-х годов по отношению к государству позднесоветскому, теперь они наблюдаются по отношению к государству ельцинскому. Ясно, что такая позиция неприемлема для подлинных коммунистов. До августа 1991 года коммунисты защищали остатки социализма, до сентября 1993 - остатки советской власти, поэтому по необходимости должны были защищать структуры и службы, по роду деятельности препятствовавшие развалу - сначала КПСС, армию, КГБ, милицию, а затем - Советы всех уровней. Но сейчас, когда государственная власть стала абсолютно чуждой, абсолютно антикоммунистической, абсолютно антинародной, коммунистам в этом государстве защищать больше нечего. Могут ли коммунисты ратовать за укрепление армии, которая расстреливала их два года назад, и надо полагать, в соответствующей ситуации будет готова расстреливать вновь, или за усиление ФСБ и МВД, которые призваны охранять существующий строй, и по-видимому, репрессировать его противников? Между тем, правая «оппозиция» в последнее время буквально поет дифирамбы силовым органам Российской Федерации.

Вообще, одной из характерных черт современного российского политического национал-патриотизма является особое, мистическое отношение к армии и ко всему военному. Серьезными исследователями этот феномен был замечен уже давно. Характеризуя преобладающие взгляды московской «уличной оппозиции» образца 1991-1993 годов, российские «прогрессисты» в обширной аналитической

статье «Мятеж во имя закона» отмечали: «Навязчивое представление об армии как о совершенно обособленной части общества, этой от его пороков, сконденсировавшей в себе идеи патриотизма, государственности и народности, якобы кровно заинтересованной в воссоздании СССР и независимости страны ... определяло чувства и помыслы большинства уличной оппозиции.» («Контраргументы и факты», №1, 1994). Такое отношение к «человеку с ружьем» было в равной мере свойственно как правому, так и левому крылу той оппозиции. Нетрудно заметить, что у правых преклонение перед военными с тех пор не только не ослабло, но значительно возросло. Достаточно прочесть казинцевские панегирики в адрес современного «русского воина», чтобы в этом убедиться. Между тем, нынешняя российская армия, изъеденная воровством, коррупцией, аморализмом и безразличием, готовая по приказу начальства стрелять в кого угодно, в том числе и в собственную представительную власть, ни в коей мере не может служить образцом духовности и патриотизма, а сегодняшний «русский воин», то бишь солдат или офицер федеральных войск, ни с какой стороны не похож на продолжателя истинных воинских традиций верности, чести и доблести. В той же прогрессистской статье справедливо замечено: «Армия, как и любая госструктура, есть часть общества. В качестве таковой она проназана всеми противоречиями, больна всеми болезнями своего общества. Общий расклад сил в обществе всегда почти точно копируется внутри армии.» С той только разницей, что в любой армии во всех случаях действует система более или менее строгой дисциплины, и именно в силу этого обстоятельства армия, в конечном итоге, всегда несколько более законопослушна (а, точнее, «приказопослушна»), чем общество в целом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что федеральные войска почти всегда и почти поголовно выполняют даже абсолютно незаконные приказы высшего командования, будь то приказы о расстреле Дома Советов или о бомбежке Грозного. Но несмотря на это, национал-патриоты продолжают свято верить в мифического «русского воина», забывая о том, как этот «воин» два года назад хладнокровно расстреливал их, своих горячих поклонников, из танковых орудий. К сожалению, и часть коммунистов до сих пор еще не избавилась от иллюзий в отношении «человека с ружьем».

Однако, было бы несправедливым огульно характеризовать всех российских военных как покорных исполнителей любых приказов начальства. Не говоря уж о глухом недовольстве части рядовых военнослужащих кампанией в Чечне, известны и случаи прямого неподчинения командирам. Можно вспомнить, например, эпизод, когда подразделение провинциального ОМОНа потребовало от командира письменный приказ о выдвигении на боевую позицию, а поскольку такового не оказалось, дружно собралось и покинуло Северный Кавказ. Очень важно, что нежелание участвовать в этой войне проявилось и у части высшего генералитета. Наиболее разумные и дальновидные генералы - Громы, Миронов и Кондратьев - открыто отказались воевать в Чечне, за что и попали в «опалу» у Грачева. Очевидно, демократические процессы в нашей стране не прошли даром, если столь серьезно затронули даже такую жестко регламентированную структуру, как армия. Однако, в последнее время демократия в России оказалась под угрозой. Эта угроза исходит, в первую очередь, от правящего режима, и во-вторых, от национал-патриотических сил в лице наиболее радикальных своих отрядов.

Здесь мы находим еще одну «линию разлома» бывшего право-левого блока. Будучи абсолютными государственниками, правые, а в особенности ультраправые, естественно становятся принципиальными антидемократами. Но для коммунистов свойствен диалектический подход к демократии, также как и к государственности. В 1988-1991 годах, когда демократические лозунги использовались реакционными силами для разрушения советского социалистического государства, коммунисты временно тактически могли препятствовать по крайней мере некоторым аспектам демократизации общества. Сейчас, когда те же реакционные силы обладают всей полнотой власти и используют ее для «закручивания гаек», коммунист-

ты должны стать самыми последовательными демократами.

Антидемократические тенденции в деятельности нынешних властей проявились еще в 1992 году во время разгона массовых выступлений оппозиции. Но после октябрьских событий 1993 года режим Ельцина, получив почти ничем не ограниченную власть, стал все более открыто и грубо попирает все и всяческие демократические свободы. Президентский указ о борьбе с преступностью, изданный весной прошлого года, позволяет органам милиции задерживать граждан без предъявления обвинения до 30 суток, а также производить «досмотр» (т. е., по сути, обыск) гражданина и его автомобиля без санкции прокурора. Излишне говорить, что такой указ в нужный момент может оказаться направленным не против преступности («крестные отцы» российской мафии давно и хорошо «повязаны» с руководителями государства), а прежде всего против политической оппозиции. Тем более, что недавно этот указ получил дальнейшее развитие в законе об оперативно-розыскной деятельности, который значительно облегчает для правоохранительных органов процедуры обыска жилищ, прослушивания телефонных переговоров, перлюстрации почтовых сообщений и т. д.

Создаваемое полицейски-бюрократическое государство не только ужесточает законы; оно нередко прибегает и к уголовному террору. Достаточно вспомнить убийство депутата Госдумы, коммуниста Валентина Мартемьянова, готовившего пакет документов о нарушении закона в ходе приватизации, зверское убийство сотрудника газеты «Московский комсомолец» Дмитрия Холодова, расследовавшего коррупцию в среде высшего генералитета, убийство популярнейшего тележурналиста Владислава Листьева, который, очевидно, мешал сильным мира сего полностью завладеть первым каналом телевидения. Вообще, одним из главных признаков авторитаризации режима является его стремление покончить с независимой и оппозиционной прессой. Всем известно скандальное дело, возбужденное генеральной прокуратурой против «Кукол». Не менее характерна попытка той же прокуратуры возбудить дело против журналистки НТВ Елены Масюк. Вообще, деятельность генпрокуратуры во главе с А. Ильюшенко приобрела настолько одиозный характер, что даже Ельцину стала ясна необходимость поменять прокурора. Тем временем министр обороны П. Грачев попытался в судебном порядке «заткнуть рот» журналисту «МК» Вадиму Позгли. А в августе вскрылась попытка некоторых охранных структур установить постоянное полицейское наблюдение за сотрудниками нескольких оппозиционных газет (А. Баранов «Взятые под «коллап», «Правда», 24 августа).

Нельзя не заметить, что ненависть к оппозиционной демократической прессе свойственна не только властям, но и все тем же национал-патриотам. Правые политики и публицисты склонны клеймить все без разбора каналы телевидения. К сожалению, многие коммунисты по инерции продолжают заниматься тем же, не замечая, что некоторые из этих каналов несомненно перешли в оппозицию к существующему режиму. Полную официозность продолжает сохранять лишь так называемое «общественное российское телевидение», ставшее после «разгосударствления» еще более лояльным к режиму, чем ранее. Это не удивляет, если учесть, что ОРТ по существу «держит» руководитель АО «Логоваз» Борис Березовский, интересы которого, по-видимому, в основном совпадают с интересами российских властей. Не случайно, что многие независимые исследователи усматривают «руку Березовского» и в убийстве Листьева, и в прокурорской атаке на НТВ. Что же касается НТВ, то этот канал занимает сейчас, пожалуй, резко антирежимную позицию. И устранение этого телеканала, если бы такое случилось, было бы серьезным ударом по демократии. Также, впрочем, как и смена руководства РТВ. Месяца три-четыре назад такая угроза нависала над Олегом Попцовым, но была благополучно преодолена. Если бы Попцов был снят с должности, на его место, очевидно, пришел бы деятель «от Ельцина» (допустим, некий аналог А. Яковлева) и телеканал, хотя бы иногда критикующий власть, превратился бы в еще один стопроцентный рупор режима.

Если мы отчетливо видим, что фактически порвав с коммунистами, руководство национал-патриотических организаций солидаризируется с властями, то едва ли можно не заметить встречного процесса. Провал попытки монетаристской реформы в экономике и полное бессилие российской дипломатии во внешней политике неизбежно заставляют режим «менять вехи». Не случайно, что давно уже в официальной прессе в ход пошли «патриотические» лозунги, что бывший демократ В. Шумейко стал вдруг «крутым государственным» и заговорил о «социально ориентированной экономике», что получивший кличку «мистер Yes» А. Козырев начал время от времени выступать с показными демаршами против своих заокеанских покровителей. Но даже и эта запоздалая суета, видимо, не спасет министра от грядущей отставки. Однако наиболее любопытным является факт чрезмерного рекламирования в официальной прессе монархии вообще и «наследников дома Романовых» в частности. Всерьез обсуждается возможность посадить на «российский престол» несовершеннолетнего «наследника Гогу» - внука недавно почившего великого князя Владимира Кирилловича. При этом, разумеется, должен быть назначен регент - возможно, сам Борис Ельцин. И если уж традиционно сильная российская монархия к началу XX века оказалась в сетях западного капитала, то можно себе представить, что за монархия может воцариться в порушенной, разорванной и целиком зависящей от Запада России к началу века XXI. Но даже если этот полуфантастический прожект останется лишь пустым мечтанием, опасность авторитаризации, а затем и тоталитаризации российского государства отнюдь не устранилась. Президент, практически неподконтрольный парламенту, способен творить свою волю (а, точнее, волю окружающих его советников с труднорастворимой персональностью) почти без помех. Благодаря этому в нынешней России возник, в частности, феномен «коржаковщины», когда начальник президентской охраны вмешивается во все без исключения важнейшие государственные дела. Не случайно на протяжении многих месяцев имя «всесильного охранника» Александра Коржакова ставится на второе(!) место в журналистском рейтинге наиболее влиятельных российских политиков. Такое положение дел немыслимо ни для какой демократической страны, но зато исторически характерно для тиранических режимов.

Нетрудно было предвидеть, насколько сильным катализатором ужесточения политического режима в России должна была стать война, развязанная в Чечне. Так оно и случилось. Символом процесса стали БТРы, расставленные на всех развязках Московской кольцевой автодороги. Была значительно усилена охрана всех важных, и не очень важных, и даже очень неважных учреждений. Деятельность постовых милиционеров приобрела гораздо более бесцеремонный характер. Если ранее «досмотрам» подвергались по преимуществу автомобилисты, то теперь обычным явлением стал «шмон» москвичей на станциях метрополитена. При этом уровень преступности не снизился ни на процент. Зато политическая оппозиция почувствовала, какая мощь «укрепленной армии и милиции» может обрушиться на нее в том случае, если «первый всенародно избранный» пожелает опять кого-нибудь «разогнать». Поэтому мирный процесс, начатый в Чечне с подачи Басаева и Черномырдина, никак не устраивал российских «ястребов». Покушение на генерала А. Романова можно приписывать кому угодно, но вряд ли в нем были заинтересованы дудаевцы. Пользуясь классическим правилом «Cui prodest?» («Кому выгодно?»), можно предположить, что покушение было организовано высокопоставленными российскими чиновниками из «партии войны». Очевидно, в президентском окружении имеются люди, желающие ввести чрезвычайное положение сначала в Чечне, а затем и по всей России. Излишне говорить, какие последствия могут быть в этом случае для политической оппозиции и вообще для демократии в России.

Не удивительно, что в этой ситуации радикальные демократы перешли в оппозицию к властям. Партии Гайдара, Федорова, Явлинского решительно осудили чеченскую авантюру. Диалектика российского внутривластного процесса привела к расколу бывшей еди-

ной оппозиции и бывших единых «демократов». Режим «поправел» и приобрел союзника в лице недавней правой оппозиции. Радикальные демократы порвали с Ельциным, но зато по ряду вопросов пришли к совпадению мнений с коммунистами. Наиболее яркой иллюстрацией этому могут служить два митинга, проведенные еще зимой «анпиловцами» и «юшенковцами» на одной и той же площади и под одними и теми же лозунгами. Думается, коммунистам не следует пренебрегать возможностью временного частичного сотрудничества с некоторыми партиями радикальных демократов, ибо тактика учит: где имеется совпадение, там возможна и договоренность. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что нелегко преодолеть инерцию многолетнего противостояния. Со стороны коммунистов можно услышать возражения против какого бы то ни было сотрудничества с теми, кто в октябре 1993 года призывал расстреливать оппозицию. Однако, попробуем рассмотреть суть дела без излишних эмоций. Поставим себя на место «демократов» 3 октября 1993 года. Господствующим их состоянием в тот момент был страх, а у страха, как известно, глаза велики. Призывы, сделанные в этом состоянии, никак не могут быть признаны адекватным отражением принципиальной позиции. Тем более, что в составе «вооруженных сил», предпринявших нелепую авантюру с «захватом Останкино», едва ли преобладали коммунисты, зато было немало хорошо организованных «баркашовцев» со свастикой на рукаве, способных не на шутку напугать кого угодно. Кроме того, радикал-демократы только лишь призывали к расстрелу защитников Дома Советов, а осуществляли расстрел солдаты и офицеры федеральных войск, однако это отнюдь не помешало национал-патриотическим лидерам, бывшим в составе той оппозиции, сегодня солидаризироваться с этими солдатами и офицерами, которые теперь расстреливают мирное население Чечни. И наконец, нелишне вспомнить еще одно любопытное обстоятельство. В 1992 году, когда оппозиция под руководством В. Анпилова проводила пикет у все того же злополучного Останкино, вице-президент А. Руцкой призвал к жестокой расправе с пикетчиками. Год с четвертью спустя тот же Анпилов, руководивший движением одной из колонн «захватчиков» в Останкино, приветствовал Руцкого яростным скандированием: «Руц-кой пре-зи-дент!!!». Что же может сегодня Анпилову помешать сотрудничать, например, с Явлинским, который, как говорят, два года назад призывал к расправе с защитниками «Белого Дома»?

В. И. Ленин учил, что из тактических соображений можно и нужно на каком-то этапе заключать временные соглашения с врагом с целью разгрома более опасного врага. Этой же тактике следовали перед второй мировой войной европейские коммунисты, предлагавшие центристским буржуазным партиям заключить широкий демократический союз с целью недопущения фашизма. К сожалению, в тот момент коммунистам это не удалось, и фашизм восторжествовал. Сейчас в России ситуация более благоприятная. Б. Федоров весной с трибуны Госдумы призывал Г. Зюганова к совместным действиям, чтобы отправить в отставку правительство Черномырдина. Г. Старовойтова открыто заявила, что с коммунистами можно сотрудничать в борьбе против военных действий в Чечне. Коммунист Л. Петровский длительное время и с полным взаимопониманием работал с С. Ковалевым в составе думской делегации в Чечне. А недавно Г. Явлинский предложил Г. Зюганову координировать действия с целью недопущения прихода к власти радикальных националистов. Не случайно, что рябовский Центризбирком тут же стал чинить препятствия регистрации блока «Яблоко». Коммунистам пора понять: буржуазная демократия есть меньшее зло, нежели фашизм. Поэтому перед угрозой тоталитаризации режима можно и должно сотрудничать с любыми силами, противящимися этому процессу.

Конечно, коммунистам ни при каких обстоятельствах нельзя становиться в подчиненное положение по отношению к буржуазным демократам. Левым силам следует попытаться встать впереди и во главе общедемократического движения. И предпосылки к этому имеются.

Диктаторские тенденции в деятельности властей проявляются не только в политике, но и в экономике. Приняв основное участие в разграблении общенародного достояния, крупные компании не хотят позволить воровать другим, поэтому идет целенаправленное удушение мелкого и среднего бизнеса. Наиболее знаменательным фактом явилось введение «валютного коридора». Целью этого решения является временное обеспечение населения России дешевым импортным ширпотребом, что должно создать иллюзию «стабилизации» и повысить популярность «партии власти» перед предстоящими выборами. Этот феномен был блестяще проанализирован в статье австралийского экономиста Р. Кларка и российского политолога коммуниста Б. Славина «Ждет ли Россию судьба Мексики?» («Правда», 23 августа). Авторы приходят к выводу о неизбежном финансовом кризисе в России через некоторое время после выборов. Это нанесет жестокий удар по российскому рабочему классу, крестьянству и мелкому бизнесу. Поэтому сейчас объективно интересы рабочих, крестьян и среднего класса совпадают, и им следует объединяться в борьбе против режима. Но частичный финансовый кризис уже разразился. 23 августа «Правда» публикует статью Кларка - Славина, а 24 происходит кризис межбанковских однодневных кредитов, получивший название «черного четверга». Многие мелкие банки в результате разорились, средние ухудшили свое положение. И только крупные банки укрепились (см. телерекламу банка «МДМ»). В этой связи не кажутся особенно неосновательными слухи о том, что ряд мелких и средних банков на предстоящих выборах готов сделать ставку на КПРФ.

Любопытно проследить реакцию различных сил на введение «валютного коридора». Разумеется, наиболее резкое неприятие эта мера встретила со стороны субъектов валютного, кредитного и фондового рынков, а также со стороны экспортеров. «Певец свободного рынка» А. Чубайс активно пропагандировал введение «коридора» как «средство для оздоровления российской экономики», Гайдар промолчал, а Явлинский в буквальном смысле слова пробормотал нечто невнятное. Национал-патриоты вообще проигнорировали эту акцию - для них экономическая проблематика находится на последнем месте. Из всех заметных политических сил только коммунисты твердо осудили это совершенно идиотское с экономической точки зрения решение. Коммунисты являются принципиальными противниками рынка, но это не значит, что они не знают законов рыночной экономики. И если уж до поры до времени мы живем в условиях реального рынка, то никак нельзя приветствовать административные меры, противоречащие экономическим законам.

Сказанного достаточно, чтобы утверждать: левые силы действительно становятся авангардом демократического движения. Не случайно именно коммунистическая фракция в Думе твердо и последовательно оба раза проголосовала за недоверие правительству, в отличие от колеблющихся сторонников Гайдара или Явлинского. Таким образом, коммунисты, сделавшись лидерами подлинно патриотических сил, в то же время на наших глазах становятся передовым отрядом сил демократических. Только придерживаясь подлинно коммунистической, подлинно патриотической и подлинно демократической позиции, коммунисты способны завоевать доверие подавляющего большинства российского народа.

Андрей КАРЕЛИН.

Москва. Июль - октябрь 1995 г.

Газета "БУМБАРАШ" зарегистрирована Министерством средств массовой информации РФ за № 0110385 от 05.3.93. Учреждена группой граждан. Объем 1 п.л.

Редактор БЫЛЕВСКИЙ П.Г. Адрес для писем: Москва 121352 а/я 8.

Контактный телефон РКСМ - с 21.00 до 23.00 - 440-12-19 Ирина или 306-26-37 Михаил.

Отпечатана ИПК «Московская правда». Тираж 1.000 экз. Зак.64